

ВРАЩАЯ РАЗНОЦВЕТНЫЙ ГЛОБУС

Продолжение¹

После Крестовых походов и Реконкисты Европа на долгое время была избавлена от опасности мусульманской экспансии. Турция, «Блистательная Порта», господствовала на всем Ближнем и Среднем Востоке, турецкий султан Селим I в 1517 году узурпировал священный титул «халифа», повелителя правоверных. Он не был потомком пророка, и на самом деле, если придерживаться буквы закона, права так именоваться не имел. Многие богословы протестовали, выпускали фетвы против такого поворота событий. Султан Турции остался халифом, как и его потомки или преемники. Заметили: с воззрениями даже известных богословов никто не считается, если они не согласны с мнением высших властей, в случае чего мобилизующих «мусульманскую улицу» при посредстве послушных мулл, ежедневно произносящих то, что властям выгодно. Тем не менее, прекращение халифата уже почти в наше время, в 1924 году, вызвало серьезные волнения в Британской Индии и голландской Индонезии – так называемые «хилафатские» бунты.

Впрочем, это можно квалифицировать и как попытки восстания против чужеземных колонизаторов. Лозунги безудержной экспансии ислама, столь популярные в наше время, после Крестовых походов даже не упоминались. Лишь один из коранических принципов: то, что завоевано воинами ислама, навсегда остается в их руках – был однажды реализован. Это было мало кому известное «восстание морисков», или «мятеж Альпухарры», в освобожденной от власти мавров Испании, в 1568 году.

Странное время – подвиги Реконкисты уже уходили в прошлое, но мавры, разгромленные в многочисленных битвах в Андалусии, перебрались в горы, где, несмотря на формальное обращение в христианство, продолжали исповедовать ислам. Это было не просто «параллельное сообщество» – это было государство в государстве, объединение мелких и труднодоступных населенных пунктов на склонах Сьерра-Невады, называемых «Альпухаррас». Испанцев – кастильцев, строго говоря, – там было совсем немного, но слухи, что мориски, крещенные мавры, открыто продолжают молиться Аллаху, дошли до Мадрида. Правил тогда отпрыск Габсбургов, нелюдимый и жестокий Филипп II. В дело включилась инквизиция, и морискам было запрещено не только молиться Аллаху (это как бы предусматривалось самим фактом крещения), но и разговаривать на родном языке, носить национальную одежду. Это вызвало целый взрыв возмущения.

Мориски (иногда переводят «маленькие мавры») были относительно новым понятием для Испании, как и мараны, – и те и другие были обращены в христианство насильно уже после того, как Испания отвоевала весь Пиренейский полуостров и запретила любую веру, кроме католической. По большей части мориски, наследники павшей Гранады, не были даже арабами – это были берберы, выходцы из Северной Африки, относительно недавно принявшие ислам и, как все неопиты, крайне упорные в соблюдении любых нюансов этой веры. Зародившееся в Сенегале в XI веке движение альморавидов (араб. *аль-мурабитун*, то есть выходцы из *рибатов*, укрепленных поселений для воинов-монахов, посвятивших себя священной войне) под знаменем джихада покорило всю Северную Африку и вскоре разгромило потомков Омейядов в Испании. Династия Альморавидов стала властителями «Биляд аль-Андалус» – мусульманской Испании. Терпимость и образованность омейядского общества очень быстро уступила место жестокости и обскурантизму новых хозяев. В испанских владениях произошло то же самое, что чуть раньше в Африке, – обширные районы, служившие житницей еще Римской империи и процветавшие при Омейядах, были превращены в пустыню. Еще хуже стало при Альмохадах (араб. *аль-муваххидун*, «ревнители единобожия»), другой берберской династии, сменившей Альморавидов в конце XII века. Все трепетало и гнулось под их тяжелой рукой. В их владениях воцарилась суровая дисциплина,

¹ См. №№ 6, 7, 8, 9.

одна вера и один закон – шариат. Альмохады беспощадно карали всех, кто придерживался других убеждений. Их политика *тимъяза* (чистки) сопровождалась массовыми казнями, репрессиями и крупными перемещениями населения. Евреям, католикам, да и мусульманам, не разделявшим ригористические взгляды Альмохадов, предлагалось выбрать между смертью и обращением в «истинную веру». Во время правления альмохадов прекратили существование многочисленные иудаистские конгрегации и африканская церковь. Евреям, даже обращенным в ислам, было предписано носить желтые одежды и тюрбаны. Под страхом тяжелых наказаний населению не разрешалось петь и музицировать, женщины закрывали лицо, мужчины спешили на молитву. Из-за широко разветвленной системы шпионажа люди боялись собираться группами, ходили в одиночку и предпочитали держаться подальше от властей. Это и было началом конца. Вскоре мусульманская Испания, мощный халифат, распалась на десятки мелких эмиратов, что существенно облегчило их отвоевание христианами государями Испании. Пала, наконец, и Гранада, последнее мусульманское владение на земле Европы. Условия сдачи ее были исключительно мягкими, что, в конечном итоге, и привело к кровопролитию. Почти через столетие после победоносного окончания Реконкисты мусульмане, формально обращенные в христианство, восстали. В рождественскую ночь 1568 года мориски бросились в атаку. Сотни христианских семей были вырезаны, церкви осквернялись, священников пытали, бросали в кипящие котлы на улицах. Целью восстания было, ни больше ни меньше, восстановление мусульманского государства в Испании и передача его под суверенитет Османской империи, корабли которой постоянно курсировали у испанских берегов. Вождем (или, по испанской традиции, королем) был провозглашен молодой Абен Умейя – потомок султанской династии Гранады и, как можно судить по имени, претендовавший на родство с Омейядами. Увы, как и его гранадские предки, он был полностью лишен каких-либо государственных или стратегических талантов; зато любил легкую жизнь, завел гарем и неделями предавался разгулу. Вскоре его сподвижники его же и удавили, передав власть его дяде Абен Абу Абдаллаху, опытному воину и неплохому организатору. Морискам удалось собрать вполне боеспособное войско, которое смогло даже ненадолго взять Гранаду.

Маркизы Мондехар и Велес, властвовавшие над южными провинциями, не смогли эффективно справиться с мятежом. К счастью, морские порты, такие как Малага и Альмерия, оставались в руках испанцев, в ином случае через них могли хлынуть «военные советники» из Турции и вассальных ей Туниса и Алжира – главных пиратских баз Средиземноморья. Разумеется, и турки, и берберские пираты постоянно находились у испанских берегов, но оказать реальную помощь не могли. Тем не менее опасность была велика, и Филипп II поручил дело своему сводному брату Хуану Австрийскому. Тот собрал большую армию (более 30 тысяч) и, двинувшись на юг, вскоре нанес первое поражение повстанцам. В течение короткого времени восстание было полностью подавлено, 400 (по некоторым данным, 700) тысяч морисков были отправлены в Северную Африку – кстати, на кораблях тех же берберских пиратов и, скорее всего, проданы в рабство. Десятки тысяч, как утверждают, были казнены по приговору инквизиции. Остальных расселили по дальним провинциям Испании, которая с этих пор была навсегда избавлена от исламской опасности.

Это была не самая громкая и не самая почетная победа испанского оружия, но дон Хуан, как утверждали современники, сам настойчиво добивался этой миссии.

В начале 1547 года у дочери регенсбургского бургомистра (по другим сведениям, простого ремесленника) Бломберга Барбары родился сын. Отцом мальчика был Карл V, король Испании и император Священной Римской империи – к тому времени, после смерти Изабеллы Португальской, вдовец уже в течение восьми лет. Поначалу отец не признавал маленького Хуана (тогда его звали Херонимо), и он воспитывался вдали от императорского двора. Лишь после своего отречения от престола в 1555 году Карл, замаливавший грехи, официально объявил Хуана своим сыном. Девятилетний мальчик, не по годам развитый, стал вскоре любимцем двора и предводителем высочеродной молодежной компании, к которой принадлежал и дон Карлос – будущий наследник престола и герой многочисленных литературных произведений (и великой оперы Верди). Но если дон Карлос в своей короткой жизни так ничего и не совершил, то дон Хуан еще в шестнадцатилетнем возрасте участвовал в морских сражениях у берегов Испании против турецких и пиратских эскадр, безраздельно властвовавших в Средиземном море. Очевидцы отмечали и его безудержную отвагу, и не по годам пришедшую рассудительность, стратегический талант. Все это проявилось в полную силу в 1571 году, когда нашему герою исполнилось лишь 24 года. Годом раньше Турция захватила принадлежавший Венеции Кипр; Папе Римскому удалось

создать широкую коалицию, «Священную лигу», в которую вошли австрийские и испанские Габсбурги, Португалия, Мальтийский орден и итальянские города-государства, располагавшие солидным боевым флотом. Папские послы добрались даже до запорожских казаков, которые предприняли набеги на турецкие позиции в Молдавии, в Крыму и Северном Причерноморье. Командовать объединенным флотом Лиги был назначен дон Хуан Австрийский, незаконнорожденный брат Филиппа II, короля Испании. Средиземноморская армада католических государств дала первый серьезный бой могущественному турецкому флоту у берегов Ионического моря, при городе Лепанто – и 7 октября 1571 года одержала первую серьезную победу. Французский историк Ф. Бродель писал, что она положила конец реальному комплексу неполноценности христианства и не менее реальному турецкому преимуществу.

Это было последнее сражение гребных флотов в мировой истории. Парусные корабли, конечно, к тому времени были – ведь Колумб на своих каравеллах уже покорил Атлантику, да еще задолго до этого Ричард Львиное Сердце переправлял своих воинов в Палестину именно на парусных судах. Но для боя они мало годились, настоящая парусная навигация пришла позже. Против боевых галер не могло устоять ни одно парусное судно; но если в Древней Греции или во владениях норманнов гребцами были сами же воины, то в более позднее время в Европе – каторжники и пленники, а в Османской империи – рабы. Но тут двадцатичетырехлетний дон Хуан решился на отчаянно смелый шаг – перед сражением он расковал и вооружил гребцов, которые были готовы сражаться за христианское дело. И – пообещал им свободу. В боевой силе турки и так уступали христианам – аркебуз было маловато, в основном луки и стрелы. А на галерах христианского воинства – бронированная пехота с огнестрельным оружием, обученная идти на abordаж, да еще усиленная отчаянной решимостью раскованных каторжников. Турки маневрировали, пытались смять фланги, но вскоре сражение превратилось в побоище. В abordажном бою потерял руку мало кому известный тогда Мигель Сервантес, командир взвода мушкетеров на галере «Маркиза», но и он продолжал сражаться. Потом написал: «Это была величайшая битва всех времен и народов, едва ли такая повторится». Флот алжирских пиратов попытался было исправить положение, но бежал, увидев, что исправить уже ничего нельзя. Меньше одной пятой кораблей турок, всего 48 судов, смогли бежать с поля боя. И потери в живой силе составили 30 тысяч человек.

Увы, флот «Священной лиги» вскоре разбежался по своим базам, мелкие суверены союзных государств отказались продолжать кампанию до победного конца. Торговое мореплавание по Средиземному морю стало безопасней – но всего на несколько лет, пока Турция не восстановила свои силы. А дон Хуан с испанским флотом отправился на Сицилию, в Мессину, где ему в том же году поставили памятник. Он стоит там до сих пор, а копия – в Регенсбурге, у городской ра­туши.

Много было приключений и поворотов судьбы у славного дон Хуана, его имя гремело по всей Европе. За битву при Лепанто папский престол пожаловал ему королевский титул – вот только королевства не было. Он сам его отвоевал, захватив двумя годами позже Тунис. Сводный брат Филипп II отказался признать его королем – а, стало быть, отказав и в поддержке испанской армии. Хуан был фактически наследником престола – ведь у царствующего брата не было наследников мужского пола, сын, будущий Филипп III, появится только в 1578 году... Нет, братец Хуан был слишком знаменит, чтобы расчищать ему, бастарду, дорогу к испанскому престолу. Запланированный уже брак с Марией Стюарт – запретить. Вместо этого – штатгальтером в неспокойные Нидерланды, где уже вовсю шла война за независимость. Ему не удалось ни решительных военных побед одержать, ни перетянуть на свою сторону восставших. Что ж, ссылка – она и есть ссылка. Военную удачу при Жамблу закрепить не удалось, сводный брат не прислал подкреплений. В покинутой армии начались болезни, и дон Хуан, старавшийся разделять с солдатами их тяготы, стал жертвой разразившейся чумы. Кто-то говорит – нет, тифа. Есть и слухи, что он был отравлен посланцами из Мадрида, от ревнивого брата... В сентябре 1578 года, в момент смерти, полководцу был 31 год.

Ах, история... Полководец должен быть полководцем – и никем больше. А дон Хуан еще с шестнадцати лет, когда он снискал первую известность в морских сражениях с берберскими пиратами, испытывал непреодолимую тягу к женскому полу. Его победы на этом фронте – неисчислимы. В Италии он оттачивал это свое мастерство, а позже, красавец и герой, стал кумиром придворных дам Мадрида. Рыцарем он оставался всегда, и это было известно всем. Сотни, даже тысячи дуэлей – и всегда он выходил победителем. Гордый и своенравный, умница и философ, бастард, мятежный дух – и нет никаких сомнений, что он оказал решающее влияние

на европейскую легенду о Дон Жуане (это в русском варианте, через французский, а повсюду почти – все-таки дон Хуан, или, у итальянцев, – Дон Джованни).

Обычно легенду ведут от севильского гранда XIII века дона Хуана Тенорио, который ничем не прославился, кроме многочисленных соблазнений замужних севильских матрон. И своим поединком с командором ордена Калатравы, пожилым Гонсало де Ульоа. В общем-то обычный плейбой, вовсе не кандидат в герои знаменитой легенды. Образ Дон Жуана наверняка изменялся, обогащался со временем. Герой пьесы Тирсо де Молины – это один человек, герой Байрона – совсем другой. Донжуанские подвиги дона Хуана Австрийского гремели по всей Европе и не могли не повлиять на эволюцию образа. И вот – поэтическая догадка графа А. К. Толстого, автора драмы, в которой всем известная «Серенада Дон Жуана», превращенная Чайковским в популярный романс. Итак: «Гаснут дальней Альпухары/ Золотистые края...» Откуда бы Алексею Константиновичу знать про Альпухарру? Ни красот, ни достопримечательностей – лишь история: восстание Альпухарры, которое подавил дон Хуан Австрийский! И дальше: «От Севильи до Гренады/ В тихом сумраке ночей/ Раздаются серенады,/ Раздается звон мечей». В XIII веке Гранада была под властью мавров, отвоевана лишь в 1492 году! А если «гаснут Альпухары золотистые края», то наблюдатель находится к востоку, а Севилья – далеко на западе, оттуда Альпухарры на закате не увидишь. Из Гренады – можно, и горные отроги на западе близко. Значит – вовсе не XIII век, когда Хуан Тенорио был в аскетическом общественном мнении просто моральным уродом. Скорее – конец XVI века, когда европейское Высокое Возрождение докатилось и до затурканной инквизицией Испании. И в Гранаде, конечно же, бывал дон Хуан Австрийский – после бесчинств, которые там вытворяли мусульманские мятежники. Наверняка он одержал там немало и романтических побед...

Так или иначе, главное в образе героя вовсе не его подвиги на дамском поприще. Мятежный дух, страсть к приключениям, нахождение выхода из безвыходных ситуаций, безграничная свобода личности – таков Дон Жуан и Мольера, и Байрона, и Пушкина. И конечно же, сложная и неоднозначная музыка Моцарта. Особенно важна свобода личности – вместе с позже появившимся образом доктора Фауста Дон Жуан стал своего рода идеалом, если не всего европейского общества, то уж наверняка его элитарного слоя, и, в конечном счете, именно осознанный, интеллектом поддержанный индивидуализм породил и американскую независимость, и французскую революцию, и последующие демократические изменения западного общества, его самоидентификацию как сообщества свободных людей, в котором права личности выше, чем права государства. Это естественный и благотворный процесс; именно люди, сообщество свободных личностей, и должны ощущать себя хозяевами страны, а правительство – это те, кого общество нанимает, чтобы вести текущие дела. Иначе говоря, государство существует для исполнения требований образовавшего его общества.

Увы, это лишь в идеале. За редчайшими исключениями, весь Восток (включая Россию) – это обширный регион, где именно государство стоит на первом месте, а его граждане – послушная инертная масса, мало чем отличающаяся от рабов. О правах личности там обычно и не упоминают, да и каждый отдельный человек ощущает себя не столько отдельной суверенной личностью, сколько членом определенного сообщества (семьи, клана, землячества, религиозной или партийно-политической общины, этнокультурной общности и т. п.). Государство или поддерживаемое государством духовенство, узурпирующее в таких случаях права «верховного жреца» того или иного культа, имеет неоспоримый авторитет. Особенно если на первый план выходят имперские амбиции или идея национальной или религиозной исключительности – и то и другое особенно импонирует не разделенной на личности массе.

Впрочем, примат личности в обществе тоже имеет свои недостатки. Безусловно, это неотъемлемое и обязательное условие демократии, с этим и спорить-то не стоит. Но – это не единственное условие демократии, как не являются им, скажем, свободные выборы – мы знаем их результаты в Германии в 1933 году, мы видели их совсем недавно – в Иране, в Ливане, в Палестине. В России, лишенной реального выбора и на прошлых, и на грядущих выборах. Мы можем сейчас не принимать подобные режимы во внимание – у стран, где будущее определяется не волей народа, а обещаниями правителей, или чиновников, или жрецов – будущего нет.

Мне представляется, что наряду с безграничными правами личности должна существовать и подчеркнутая ответственность личности за общество, в котором она существует. Все-таки человек – животное общественное, и вне общества существовать не может, многочисленные «робинзоны» последнего столетия, и вынужденные, и намеренно сконструированные, показали это достаточно убедительно. Поэтому и самое демократическое правительство – вовсе не просто

выразитель воли большинства, это самостоятельно думающий орган, заботящийся о благосостоянии общества не на основании его сиюминутных пожеланий, а в соответствии с трезвым анализом и научно обоснованными прогнозами. Представьте: при нынешних средствах массовой коммуникации очень легко сделать так, что все решения правительства будут приниматься на основе ежедневных референдумов, – технически это и несложно, и недорого. Где бы уже в самое ближайшее время оказались и это правительство, и это государство?

Это, безусловно, ложная посылка – что мнение общества всегда значит больше и более продуктивно, чем мнение личности. Есть промежуточное понятие: «толпа». На рубеже XIX – XX веков французский ученый Гюстав Лебон обобщил свои исследования в 1895 году в книге, названной «Психология народов и масс» (в других переводах – «Психология толпы»). Он полагал, что в силу волевой неразвитости и низкого интеллектуального уровня больших масс людей ими правят бессознательные инстинкты, особенно тогда, когда человек оказывается в толпе. Здесь происходит снижение уровня интеллекта, падает ответственность, самостоятельность, критичность, исчезает личность как таковая. Цитата: «Не в достоинстве какого-нибудь доказательства следует искать существенные элементы механизма убеждения. Внушают свои идеи престижем, которым обладают, или обращаясь к страстям, но нельзя иметь никакого влияния, если обращаться только к разуму. Массы не дают себя никогда убеждать доказательствами, но только утверждениями, и авторитет этих утверждений зависит от того обаяния, каким пользуется тот, кто их высказывает». Утверждают, что труд Лебона был настольной книгой Ленина и Гитлера, и его идеи немало способствовали утверждению и укреплению и коммунистической, и нацистской власти.

В те времена за ненадобностью не обращали внимания на по сути пророческое высказывание Лебона: «Если законы будущего должны быть такими же, как законы прошедшего, то можно сказать, что для народа самое вредное – если он достигает слишком высокой ступени развития и культуры. Народы гибнут по мере того, как портятся качества их характера, составляющие основу их души, и эти качества портятся по мере того, как растут их цивилизация и развитие». И что же мы имеем сейчас, когда лебоновское будущее уже наступило?

Примат личности, без которой культура Запада была бы вообще невозможна, как раз на наивысшей ступени развития из двигателя общества превратился в самоцель – и тормоз. Индивидуальная инициатива уступила место индивидуальному безразличию и превращению индивидуума в послушный элемент толпы. В то же время способы манипуляции мнением толпы изменились кардинально, и изменились (скорее: сменились) манипуляторы. О таких естественных вещах, как «национальная политика», «национальные интересы», «национальные цели», могут говорить лишь члены правительства на закрытых заседаниях. Телевидение, газеты, журналы, переполненные высоколобыми аналитиками, говорят лишь о том (или громче всего о том), что тот или иной шаг правительства, государственных институтов наносит вред соблюдению прав человека. Заведомых, установленных преступников могут выпустить на свободу из-за несущественной ошибки в приговоре суда...

Мы забыли о том, что со времен Возрождения главной ценностью и главным достижением европейской (или, более широко, иудеохристианской) цивилизации, отличающей ее от многих других, стал гуманизм. Его очень легко спутать с правами человека, даже подменить ими это понятие; хотя, разумеется, это вовсе не одно и то же. Главная идея гуманизма, восходящего к временам Возрождения, это социальная справедливость. Иными словами, те же права человека, но по отношению к обществу, и общества по отношению к человеку. Собственно, зачатки гуманизма заложены в библейских заповедях – не убий, не укради, не прелюбодействуй, или в равнинической мудрости – не делай другому того, чего бы ты не хотел, чтобы сделали тебе. Согласитесь, это сильно отличается от либерального понятия безграничной индивидуальной свободы, формулируемой вежливо как «неотъемлемое право человека спать под дождем».

Возможно, либеральные принципы смогли бы даже улучшить Европу, будь она изолирована от других частей света, в том числе и тех, где эти принципы не воспринимаются и считаются простительной слабостью. Во Франции – выходцы из мусульманских государств Магриба и Черной Африки, в Германии, в Турции и арабы, в Испании – марокканцы, а за последние годы – десятки тысяч беженцев из Западной Африки. Гуманизмом в этих обществах и не пахнет, и поэтому стоит ли удивляться, что пришельцы воспринимают либеральные свободы как очевидную слабость и даже видят в Европе легкую добычу. Выпады против европейского гражданского общества становятся все чаще – и все чаще общество демонстрирует неспособность себя защитить. Мы уже говорили об образовании параллельных сообществ мусульман, этнически даже не слишком разделенных, практически по всей Европе. Анклавы, где люди живут сами по себе,

устанавливая собственные порядки, не признавая законов страны, в которой живут. Полиция боится туда заходить, случайно забредшего прохожего могут ограбить, закидать камнями, просто убить. Бесчинства во Франции, о которых с тревогой говорил весь мир, устроили юнцы из этих кварталов – неграмотные и не желающие учиться, безработные и не желающие работать. Подавление волнений было очень уж неубедительным – кого-то арестовали, но тут же выпустили. Отсидевшие в участке стали героями в глазах сверстников. Ровно через год все повторилось, хоть и в меньшем масштабе. В самих анклавах ничего не изменилось.

Параллельные сообщества и не готовы изменяться, они для того и появились, чтобы под флагом сохранения национальной и религиозной самобытности (читай: исключительности) повторить на чужой земле в миниатюре общество, в котором они привыкли жить. А раз им это удалось, то они считают эту землю своей и никому не согласны ее отдать. Согласно Корану – земля, завоеванная исламом, не может быть возвращена обратно. Ну, это экстремисты, они не выражают мнения большинства, – скажут некоторые критики. Но вполне представительный опрос мусульманского населения Англии показал, что 60 процентов опрошенных требуют введения в этой стране шариатского правления. Это значит, что «наивысшую ступень развития цивилизации» они не воспринимают, считают ее чуждой и для себя неприемлемой. Они видят в ней слишком много того, что они не желают принимать и воспринимать как свое, пусть даже гипотетическое, будущее.

Сама идея поступательного развития цивилизации, ставшая для европейских и близких к ним народов центральной и дающей перспективу будущего, сделала немало и для понимания времени как вектора, однонаправленного бесконечного процесса, каждый день приносящего что-то новое. Это требует напряжения ума, непрерывной учебы, от дошкольного возраста до глубокой старости.

Для обществ, находящихся на более ранней стадии развития, характерно иное понимание времени. Вспомним Экклезиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». Движение времени очевидно, человек его не может не заметить – ведь есть вчера и сегодня; завтрашний день покрыт мраком неизвестности, а дальше и заглядывать страшно. В медленном существовании патриархального (чтобы не сказать: примитивного) общества движение времени неизбежно рассматривается как круговое («все возвращается на круги своя»). Параллельные общества не задумываются о времени, как этого не делали тысячелетия назад их предки. Я заметил: в индонезийских языках (их многие сотни) нет собственного слова для обозначения понятия «время»! Сначала заимствования были из санскрита, но и в нем не было понятия конкретного, «сиюминутного» времени. «Пора», «эпоха», охватывающие либо десятилетия, либо тысячелетия. В Древней Индии не писали истории, не было хроник – события не располагались по временной оси, а занимали свое место в сюжетах развитой, изощренной мифологии. Недостающие понятия были взяты у арабских мореходов и торговцев на рубеже VII – VIII веков, в период мирной исламизации островов.

Для России кажется неоспоримым: соседние народы убежали далеко в своем развитии, надо срочно их догонять. Удвоим ВВП, создадим гражданское общество, станем впереди всех! А в реальном обществе время все движется и движется по кругу...

Замкнутое время порождает химеры. Как алхимический «уроборос», змей, пожирающий свой хвост, – символ бесконечного возрождения. В развернутой в круг истории любой пункт может служить либо примером для подражания, свидетельством золотого века, нуждающегося в повторении, либо, наоборот, примером для отрицания. Но – лишь в пределах этого круга, ограниченного реальной или мифологизированной историей данного общества. Очевидная экономическая, социальная и даже интеллектуальная слабость нынешнего арабского общества представляется аналогией беспросветного доисламского прозябания, а теократическое квазигосударство пророка Мухаммеда – золотым веком, к которому надо вернуться. Шариат – это ключевое слово. Нравы патриархального родового общества, побивание камнями нечестивцев и нечестивец, отсекание рук воришкам, многочисленные запреты для женщин и полная свобода для мужчин. Пророк женился на своей любимой Айше, когда той было шесть лет. Три года она еще играла с куклами, а потом – «познала счастье супружества»...

Это общество мусульманские пришельцы настойчиво хотят повторить и в Европе. Уже десятки лет существуют сговоренные родителями браки, в которых ни жениху не принадлежит ни малейшего слова, ни тем более невесте – ее, закутанную в черные одежды по самые глаза, не знающую ни одного языка, кроме деревенского турецкого или арабского, просто привозят и отдают в ру-

ки семьи, а потом и жениха. Таможни не возражают ни в Турции (хоть и светской стране, но все-таки с большинством мусульманского населения), ни, что странно, и в Европе. Среди законодателей время от времени вспыхивают лозунги: «Прекратить насильственные браки!» Прецеденты возникают, когда сама женщина хочет избавиться от насильственно навязанного ей бремени и доходит до суда. Мало кому удается остаться в живых, обозленные родственники с обеих сторон устраивают настоящую охоту. Убийц даже не судят по-настоящему – судьи охотно принимают во внимание довод «у них так принято». Чаще всего – из опасения, что их обвинят в расизме и дискриминации по национальному признаку.

Что же такое «немец турецкого происхождения» или «англичанин пакистанского происхождения», или «француз марокканского происхождения», если он прошел обучение в афганских, иракских, сомалийских лагерях обучения террористов и совершил либо готовился к совершению террористического акта в одной из стран Запада? Не является ли это ультимативным поводом для лишения его гражданства, возможно, и без выдачи в руки правосудия страны происхождения (там его наверняка ждала бы смерть, так что гуманизм налицо)? Нет, никто ужесточать законы не собирается. Новое иммиграционное законодательство Германии требует от въезжающих достаточного знания немецкого языка; это касается евреев, «русских немцев», но коснется ли это турок, огромное большинство двухмиллионной общины которых до сих пор не сможет прочесть самую простенькую немецкую газету? Или сомалийцев, прибывающих по линии беженцев? Кстати, мне показалось, что именно сомалийки больше других упакованы в черные мусульманские одеяния, лицо закрыто черной сеткой из конского волоса. Жаль. Сомалийки мне казались раньше чуть ли не эталоном женской красоты – высокие, стройные, гордая походка, высокая грудь – принцесса на принцессе! Небесная Аида! Сейчас Верди не написал бы великой оперы...

Впрочем, мы сами виноваты. В европейской культуре очень велико опосредованное влияние Востока, начиная от моды времен Людовика XIV (я имею в виду «Мещанина во дворянстве» Мольера), «Персидских писем» Монтескье, наконец – «Западно-восточный диван» Гёте. Востока именно того, что сейчас переполняет Европу своими эмигрантами, то есть того, что тогда было великой и непобедимой, инертной и неграмотной Османской империей. Об Индии, Китае, загадочной Юго-Восточной Азии речи еще не было – лишь потом пришло время Пьера Лоти и Ван Гога, Густава Малера и Эзры Паунда, Блаватской и Рерихов, западных интеллектуалов, увлеченных идеями буддизма и кришнаизма. Этот Восток (условно – Дальний) оказал серьезное влияние на европейскую культуру, но он никогда не выступал в качестве завоевателя Европы. Заметьте, даже самонадеянные японские стратеги, спланировавшие удачное нападение на Перл-Харбор, никогда и не помышляли о завоевании Америки!

Конечно же, и Ближний Восток, в лице Османской империи, в эпоху европейского Просвещения уже не мог помышлять о завоевании Европы. Да и в самом исламском обществе такая эпоха уже давно закончилась и оставила память лишь в умах немногих интеллектуалов – слишком немногих, чтобы влиять на общественное развитие. Оно по-прежнему шло по кругу, как идет и сейчас. «Мещанин во дворянстве», «Персидские письма» представляли собой лишь жестокую критику современного авторам французского общества – Восток в них был только умозрительным средоточием мудрости, которой на самом деле не было. Гёте копал глубже, познакомился со стихами великого персидского поэта Хафиза, вдохновился его мыслями (хоть и в немецком переводе). Увы, Хафиза, писавшего в XIV веке, османское общество ко временам Гёте уже прочно и навсегда забыло, и мудрость Востока перестала существовать. Ее сменило всеисилие чиновников и рабская покорность масс; это и стало причиной того, что круг арабско-мусульманской истории в конце концов был разорван. Началась эпоха колониальной экспансии Европы, достигшая своего пика в середине или даже к концу XIX века. В колониальную гонку включились и Франция, и Бельгия, и Германия, и, еще позже, по итогам Первой мировой войны, даже Латвия, получившая Гамбию в Западной Африке.

Завоевание Индии вовсе не было «безудержной эксплуатацией» местного населения или простым ограблением, как было раньше, во время завоевания Америки Испанией и Португалией. Английские власти в Индии делали все возможное, чтобы привить местному населению навыки эффективного хозяйствования; этому, как могла, мешала давно сложившаяся система помещичьего землевладения («заминдари»). Несмотря на феодальные порядки, англичанам удалось создать функционирующую до сих пор административную систему, стимулировать переработку сырья, создание местных промышленных предприятий. Иными словами, ввести в отсталой феодальной стране элементы и принципы капиталистического хозяйствования. Это привело к зарождению гражданского общества и, в конечном итоге, к потере англичанами политической власти.

Что ж, таково «бремя белого человека», по названию стихотворения Р. Киплинга, написанного в 1899 году:

Возьми на себя это бремя:
Воюй за чужой покой,
Заставь болезнь отступить
И голоду рот закрой...
Неси на себе это Бремя –
Ты будешь вознагражден:
Придирками командиров
И ненавистью племён...

Так оно и было – «жестокое колонизаторы» в поте лица трудились, чтобы приблизить колонии к современному обществу, и слишком часто встречали в ответ черную неблагодарность, выражавшуюся и в недоверии, и в убийствах из-за угла, и в мятежах племен, которые так трудно усмирить... Прошло время, и сейчас и в Индии, и в Пакистане, и в Бангладеш очень многие, независимо от уровня образования, испытывают настоящий пиетет перед англичанами и всем, что связано с Англией. Что ж, «бремя белого человека» принесло и такие плоды.

Период деколонизации, наступивший, на мой взгляд, слишком поспешно, вовсе не приблизил, за некоторыми исключениями, бывшие колонии к цивилизационному уровню европейских метрополий. Особенно это касается «стран с остановившимся временем», то есть большинства стран арабского мира и мусульманской Африки. Стремление европейских держав превратить остальные районы мира в полновесных торговых партнеров (своего рода прообраз нынешней глобализации) было понято как эгоистический грабеж, и раз колониальная эпоха ушла в прошлое, надо, дескать, платить за причиненный ущерб. Европа и стала платить.

Профессор Нью-Йоркского университета У. Истерли весьма смело озаглавил свою книгу «Бремя белого человека». Он считает: «Если мы хотим реально помочь бедным странам (а не просто упиться собственной щедростью), мы, западные богачи, должны забыть свои грандиозные амбиции преобразователей. Успешно можно решать проблемы только поштучно, небольшими порциями, изучая местные нравы. Иногда добиться *заметных* улучшений можно, меняя *малозаметные* мелочи».

Акцентируя неэффективность западной помощи, Истерли пишет: «Две трагедии характерны для стран третьего мира. Первая трагедия – в том, что не хватает дешевых, доступных лекарств. Вторая трагедия – в том, что Запад потратил 2 триллиона 300 миллиардов на гуманитарную помощь этим странам, но африканские дети все еще не могут получить двенадцатицентное лекарство, спасающее от смерти при малярии, или четырехдолларовую москитную сетку над кроватью». Более 500 миллионов человек в мире ежегодно заболевают малярией, и 80 процентов смертей приходится на страны Африки. Самое эффективное средство – москитные сетки. В рамках помощи их в огромных количествах привозят туда, но... жители используют их как рыболовные сети или вместо свадебной фаты. И лишь в крошечном Малави, где сетки не бесплатно раздавались, а продавались по 50 центов, ими пользуются по назначению уже 55 процентов детей. Как просто – бесплатное не может быть хорошим, так ведь думают далеко не только африканцы! Принцип «бремени белого человека» все-таки может действовать в Африке, но едва ли на арабском Ближнем Востоке. Ежегодно туда уходят огромные деньги из Европы (и Америки), но их воспринимают вовсе не как помощь – либо как «возмещение ущерба, нанесенного европейским колониальным правлением» (оно продолжалось чуть больше двух десятилетий после Первой мировой войны, и за эти годы были созданы все нынешние государства региона – до того не было ни Ливана, ни Сирии, ни Ирака, ни Иордании), либо как просто положенную дань, которую платят завоевателям (!) вассальные государства. Именно этот аргумент, по мере радикализации ислама на Ближнем Востоке, выдвигается все чаще и служит одной из причин растущей наглости и агрессивности мусульманских параллельных сообществ в Европе. По сути дела, уже сейчас они выглядят в Европе как «внутренний враг», как «пятая колонна», вооруженная лозунгами радикальных исламистов о том, что Франция будет мусульманской, Рим падет под ударами ислама, да и многими подобными.

Европа встревожена. Что-то надо делать, но то, что хотелось бы сделать, лежит за пределами доминирующего в общественной элите представления о «правах личности». Нужно, вроде бы, ужесточать законы или хотя бы жестче, последовательнее применять существующие. Не получает-

ся – из боязни быть обвиненными в дискриминации или, не приведи Господь, в расизме. Спасительный выход – не сработала политика интеграции, нужно лучше преподавать язык и культуру, чтобы эмигранты не чувствовали себя чужими в принявшей их стране. И только очень редко раздаются протестующие возгласы: они же не хотят интегрироваться, они культуру турецкой или арабской деревни ставят куда выше великой европейской! Соответственно, центром культуры становится мечеть, поскольку эта культура неотъемлема от религии. И христианская Европа строит мечети, да в таких количествах, что скоро и вид древних церквей и соборов начнет оскорблять чувства праведных мусульман, и они потребуют их сноса.

Сколько раз и европейские политики, и американский президент, и Папа Римский повторяли: мы не против ислама, ислам – это религия мира! Доказательства противного мы видим каждый день в газетах, на экранах телевизоров. И сам собой встает вопрос: а действительно ли ислам так миролюбив, как это утверждают общающиеся с Европой мусульманские авторитеты и вторящие им лидеры Запада? Что ж, говорят, – почитайте Коран. И действительно, с самого почти начала – проповедь мира и социальной справедливости. Все ясно, дальше читать и смысла нет. Но мало кому известно, что суры Корана, призывающие к миру, больше не действуют, они отменены! Действует принцип «насха» (отмены), заложенный в самом Коране, – более ранние стихи отменяются более поздними. Мухаммед начинал Коран в Мекке, где его позиции были довольно слабыми – отсюда проповедь мира, просто как способа выживания. После бегства в Медину (хиджры), где ему удалось снискать множество воинственных сторонников, тон проповеди резко изменился. Мир – на меч. «А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то – удар мечом по шее; когда же произведете великое избиение их, то укрепляйте узы. Либо милость потом, либо выкуп, пока война не сложит своих нош». Подобных пассажей много, и все они относятся к действующей в наши дни части Корана. В то же время мусульманские теологи, обращающиеся к западной аудитории, постоянно цитируют места, где говорится о мире, – места отмененные! Налицо явный обман, что, впрочем, не является чем-то зазорным для мусульман, имеющих дело с «неверными». Зазорным это является для европейцев, до сих пор не представляющих, с кем они имеют дело и кого они хотят «интегрировать», и с готовностью иметь своими соседями по стране, по городу, по улице, по дому. Прозрение наступает слишком медленно – но лишь бы не оказалось слишком поздно. Надежда есть – мужество европейских народов, их умение принимать верные, пусть жесткие, решения хорошо известно. Когда государственные мужи не способны на решительные шаги, их делает само общество. Наберемся терпения, будем ждать.

Продолжение следует